

Ночную слепоту у Янь Цзиньчэна обнаружили, когда ему исполнилось всего два года. Поначалу неопытные родители списывали всё на капризы: мальчик просто не хотел спать по ночам и постоянно плакал, а из его сбивчивого детского лепета невозможно было разобрать ни слова. Первым неладное заподозрил дедушка — он же в ту же ночь и отвёз внука в больницу. Врач после осмотра вздохнул с облегчением: хорошо, что обратились вовремя. Начни они лечение позже, результаты могли бы оказаться куда скромнее, да и риск патологических изменений возрос бы в разы.

В первые дни после диагноза в доме царила гнетущая атмосфера. И хотя сам Цзиньчэн был слишком мал, чтобы запомнить то время, бабушка с дедушкой потом рассказывали, как он постоянно озирался по сторонам и с недетской пристальностью всматривался в лица отца и матери, словно боялся упустить хоть мгновение. Взрослые, глядя на него, содрогались от мысли: неужели ребёнок уже всё чувствует? Каждого из них терзал немой страх, что в один злополучный день мальчик окончательно погрузится во тьму.

В таком постоянном напряжении семья прожила до тех пор, пока Цзиньчэн не пошёл в детский сад. Вопреки опасениям, его зрение не ухудшалось, а сам он, хлопая ясными глазами, всё так же беззаботно радовался жизни. Разве что засыпать по-прежнему мог только с кем-то из взрослых. Лишь тогда тяжесть, давившая на родных, постепенно спала, и мальчику позволили самостоятельно осваиваться и расти в полумраке.

Единственным, что оставалось неизменным на протяжении всего его детства, были ежедневные дозы витаминов А и С да бесконечные горы оранжевых цитрусов и яблок. Они стали для него яркими якорями, навсегда запечатлевшимися в памяти о тех годах.

Научившись читать, он первым делом взял с полки книгу Хелен Келлер «Если бы мне дали три дня света» — издание с крупным шрифтом и пиньинем. Читая, мальчик сжимался от страха и плакал, сопереживая героине. Его не покидала мысль: три дня — это ведь так катастрофически мало... За столь короткий срок невозможно запомнить весь мир, а главное — так легко забыть лица мамы и папы.

Именно в этом тихом, въевшемся под кожу страхе навсегда лишиться света маленький Янь Цзиньчэн шаг за шагом вырастал во взрослого, способного сегодня стойко встречать любые невзгоды и с лёгкостью перешагивать через трудности.

Впрочем, даже у самого закалённого характера есть свой предел. Вот и сейчас, оказавшись в крошечной тьме, он молча сжимал рукав Цзян Ли, не давая тому шагнуть ни на сантиметр. Пошептавшись, они принялись наощупь продвигаться к выключателю — шаг за шагом, рука в руке. Ладонь Цзян Ли, тёплая и сухая, мягко накрыла его глаза, и над самым ухом раздался тихий предупреждающий шёпот:

— Включаю.

Янь Цзиньчэн кивнул. Вспыхнувший слепящий свет просочился сквозь пальцы Цзян Ли мягким, приглушённым маревом. Потребовалось несколько секунд, прежде чем зрение

вернулось в норму и контуры комнаты обрели чёткость.

— Так значит, в прошлый раз... — Цзян Ли заговорил негромко, внимательно разглядывая его.
— Когда я решил, что у тебя сильная близорукость, ты просто ничего не видел в темноте?

Янь Цзиньчэн глухо угукнул и продолжил признаваться:

— Мне и из школы без Юань Лэя не выбраться. Если он не пойдёт со мной, дорога до ворот превратится в квест.

Цзян Ли помолчал, с пониманием кивнув.

Он не стал допекать его расспросами. Просто выпустил ладонь Цзиньчэна, прислонился плечом к стене и кивнул подбородком на хаос из обломков, царивший у них за спиной:

— Авторский светильник, керамика собственной работы, коллекционная фигурка ограниченной серии... а, ну и мой золотистый фикус.

Цзиньчэн обернулся к разгрому. Его взгляд медленно скользнул по усыпанному осколками полу и остановился лишь тогда, когда эта печальная картина скрылась из поля зрения. Почистив горло, он спросил:

— Посчитай, сколько я тебе должен.

— Должен... — Цзян Ли с важным видом сжал пальцы, изображая глубокие подсчёты. Заметив, как спина Цзиньчэна напряглась, он фыркнул, непринуждённо положил руку ему на плечо и поднял один палец: — С тебя ужин.

Янь Цзиньчэн опешил. Он обернулся, уставившись на него:

— И всё?

— А ты чего хотел? — Цзян Ли пожал плечами. — Не велика ценность. Все эти штуки стояли там только для того, чтобы забить пустое место. К тому же ты упал в моём доме. Судя по всему, ты споткнулся о горшок с фикусом, так что тут и моя вина есть. Пусть сегодняшний ужин станет моим извинением.

Он указал на рассечину у Цзиньчэна на лбу:

— Сейчас найду аптечку и обработаю рану. Считаю, ещё плюс один к моим извинениям, так что можешь пока подумать, какую услугу с меня потребовать.

Цзян Ли развернулся и ушёл так быстро, что Янь Цзиньчэн даже не успел ничего возразить. Глядя вослед его стремительно удаляющейся спине, он слегка вздрогнул ресницами и наконец с облегчением перевёл дыхание.

Никаких назойливых расспросов. Никаких объяснений о причинах болезни или о том, насколько она усложняет жизнь. Ни слова о том, как глупо и неловко выглядело его падение — Цзян Ли просто перешагнул через всё это, будто ничего особенного не произошло.

Цзиньчэн невольно потёр глаза. Прикосновение чужой ладони всё ещё фантомно ощущалось на коже, а тупая боль в ушибленном месте принялась медленно расходиться по лбу.

Он повернулся и закинул голову назад, прислонившись затылком к той же стене, у которой только что стоял Цзян Ли. С губ сорвался тихий смешок.

Сегодня этот парень был сговорчив до странности — от его прежней въедливости и привычки цепляться к любой мелочи не осталось и следа.

Чуть позже Янь Цзиньчэн уже сидел на диване, затаив дыхание, пока Цзян Ли прикладывал лёд к его лбу.

С одной стороны, он испытывал к нему искреннюю благодарность, а с другой — напряжённо размышлял, чем бы эдаким возместить причинённый ущерб.

— Где-то ещё болит? — неожиданно подал голос Цзян Ли.

Мысли Цзиньчэна вернулись к реальности. На мгновение прислушавшись к ощущениям, он честно признался:

— Надбровная дуга заплывает.

— Трещины быть не должно, — Цзян Ли осторожно коснулся ушибленного места пальцами. — Тут только ждать, пока сам пройдет.

— Угу, — отозвался Цзиньчэн.

— Домой в таком виде вернёшься — родные допрашивать не станут? — Цзян Ли с сомнением оглядел его.

— Когда я приду, бабушка с дедушкой уже будут спать, — Цзиньчэн качнул головой. — Всё

нормально.

— Слушай, может, останешься сегодня у меня? — Цзян Ли заметил его подавленность и, не найдя лучшего способа поднять настроение, предложил: — У меня есть игровая комната. Погоняем вечером в консоль?

В привычном распорядке дня Янь Цзиньчэна отродясь не водилось пункта «остаться с ночёвкой у приятеля и резаться в игры». Он уже открыл рот, чтобы привычно отказаться, но короткое «не стоит» почему-то застряло в горле.

Цзян Ли не стал торопить его с ответом. Нагнувшись, он мягко поднял руку Цзиньчэна и вложил в неё пакет со льдом:

— Подержи сам, а я пока распоряжусь, чтобы ужин принесли сюда.

— А? — Цзиньчэн растерянно моргнул. — Зачем? Я и сам могу дойти до столовой.

— Сиди уж, пострадавший, — с беззлобной ухмылкой отмахнулся Цзян Ли. Опустившись на корточки, он бесцеремонно задрал штанину Цзиньчэна выше колена и с видом «я так и знал» ткнул пальцем в ссадину: — А про это почему молчишь?

Цзиньчэн опустил взгляд. Пока не видел — не больно было, а стоит присмотреться к запёкшейся крови, как колено тут же отозвалось резким жжением:

— Ши-и...

— Сам обрабатываешь, — Цзян Ли водрузил аптечку ему на бедро. — А я за едой.

—... Ладно, — Цзиньчэн пошевелил ногой. Тело словно заново наполнилось тупой ломотой, так что пришлось сдаться. — Спасибо.

Пройдя полпути к двери, Цзян Ли услышал это «спасибо», громко цыкнул и, повернувшись, шутливо погрозил ему кулаком:

— Ещё раз услышу — по шее получишь.

— Спасибо, спасибо, я сам наложу...

— Спасибо, не надо, положи сюда...

— Спасибо...

Цзян Ли свирепо воззрился на него:

— Ты решил надо мной поиздеваться? Ещё хоть слово про спасибо — я тебя упакую и за дверь выставлю.

Услышав это, Цзиньчэн уже не смог сдержать улыбку. Он откинулся на спинку дивана, и его плечи затряслись от хохота:

— Ладно-ладно, молчу.

Цзян Ли медленно выпрямился.

— Чэн-эр, — позвал он. Решив, что тянуться с дивана неудобно, он уселся прямо на ковёр, поджав ноги. Чтобы поговорить, ему приходилось закидывать голову назад, но не успел он договорить, как получил лёгкий щелчок по лбу.

Цзян Ли понял, что Янь Цзиньчэну не понравилось обращение, но отступить не стал. Потирая лоб, он расплылся в улыбке:

— Привыкай. По-моему, звучит отлично, у меня уже язык сам выговаривает.

Цзиньчэн посмотрел на него сверху вниз. Поразмыслив, он решил, что прозвище не такое уж и плохое:

— Ладно, валяй.

— Так ты остаёшься? — снова предпринял попытку Цзян Ли. — Мне одному вечером тоже скучно. Поиграем немного, а завтра вместе пойдём на уроки.

После этих слов сомнения, терзавшие Цзиньчэна, окончательно рассеялись. Словно какая-то невидимая сила удерживала его здесь, не давая подняться.

— Сейчас наберу домашним, — произнёс Цзиньчэн, понимая, что раз уж всё тело гудит от усталости, то и дёргаться лишний раз не стоит.

Впрочем, уступать во всём он не намеревался:

— Только никаких игр. Поужинаем, я повторю слова и лягу спать. Завтра надо прийти в класс пораньше, у меня ещё куча недоделанных заданий.

Цзян Ли аж рот от изумления приоткрыл:

— Ты что за монстр учёбы такой?

— Обычный выпускник, готовый к выпускному классу, — отрезал Цзиньчэн.

— Да ты запрягаешь слишком резво! Команды «на старт» ещё даже не было!

— Отвали, а, — Цзиньчэн шутливо ткнул его носком ноги в колено. — Я иду в своём темпе, ясно?

Цзян Ли подвинулся чуть в сторону, закинул в рот ложку риса и, не удержавшись, снова задрал голову:

— Я слышал, ты собираешься поступать в университет в Байши?

Цзиньчэн бросил на него короткий взгляд:

— От кого слышал?

— У меня свои каналы информации, — с загадочным видом заявил Цзян Ли.

И хотя эти «каналы» — включая номер вэйсиня, дату рождения и прочие базовые сведения о Цзиньчэне — потребовали определённых подкупов, ничего лишнего он не выводывал. О той же ночной слепоте он узнал только сегодня. Поэтому Цзян Ли ничуть не смутился, а лишь с честным видом выпрямил спину:

— Я только это и узнал, честно.

Цзиньчэн усмехнулся и не стал отрицать:

— Да, есть такие планы.

— Значит, потом будем учиться в одном городе? — В голосе Цзян Ли проскользнула скрытая радость, которую он и сам толком не осознал. — Будешь в Байши — считай, ты под моей защитой.

— Раз ты такой всемогущий, чего ж тогда перевёлся? — не удержался от подколки Цзиньчэн.

Цзян Ли беззаботно пожал плечами:

— Переждал грозу.

Цзиньчэн приподнял бровь:

— Если ты у нас такой защитник, как же ты допустил, чтобы про тебя распустили слухи, будто ты крутишь роман с учительницей-стажёркой?

— Эй, ну хорош, — Цзян Ли ткнул указательным пальцем себе в ладонь. — Совсем уж в грязь-то меня не топчи.

Цзиньчэн тихо рассмеялся, а затем разговор утих.

Спустя несколько секунд Цзян Ли резко повернул голову:

— А откуда ты знаешь, что это слухи? Не допускал мысли, что я и впрямь на такое способен?

Шеф-повар семьи Цзян готовил великолепно, так что вкусный ужин окончательно прогнал тучи с души Цзиньчэна. Глядя на парня, в глазах которого читалось явное желание быть понятым, он едва заметно изогнул губы.

Первым порывом было выдать очередную колкость — мол, да на тебя посмотреть достаточно, ты же вылитый дурачок с запущенным синдромом восьмиклассника, какая ещё ранняя любовь? У тебя ж на лбу написано «обострённое чувство справедливости», а уж про запретные темы и говорить нечего. Если девчонкам в тебе что и нравится, кроме симпатичного личика, то терпеть твои тараканы вряд ли кто-то выдержит...

Однако все эти язвительные слова так и застряли в горле.

Он слегка наклонился вперёд. Яркий свет отбросил густую тень от его ресниц, а опущенный взгляд утратил прежнюю насмешливость.

Увидев этот загадочный полунамёк на улыбку, Цзян Ли инстинктивно отпрянул, опасаясь, что Цзиньчэн снова выдаст какую-нибудь ядовитую фразу.

Но в следующую секунду до его ушей донёсся низкий, непривычно серьёзный голос:

— Потому что я верю тебе, одноклассник Сяо Цзян.

<http://bllate.org/book/20112/1993402>